

ТЮЛИ-ЛЮЛИ

I.

Пришла бабка Марья из Дрыкина.

Ни колобков, ни пряника в этот раз не принесла. Села на лавку, сгорбилась на свой костылек с резной петушьей головкой на сгибе и вдруг захлипала, будто со-смеху начала пырскать, так что голова у ней затряслась, и костылек в руках тоже затрясся.

Раз нет пряника, Силашка чужыркнул носом и, поддерживая штаны, юркнул на полати. Лег там плашмя на теплую шерсть тулупа и давай молотить себя пятками в зад.

Глядит, что дальше будет с бабкой. Но не забывает и пальцами на губах подыгривать, а в промежутки поддает кулаком по надутой щеке, - и выходило как у Гараськи Пыжика: хоть пляши...

Мигаючи, воззрилась на бабку мать и вскочила с лавки. Прялка из-под нее взглянула копылом вверх и мягко ткнулась кудельной бородой в пол, лукошко с веретеньями и пряжей рассыпалось, дремавшая кошка с перепугу стрельнула на печь...

Тою же минутой прибежал из хлева отец. Упарился он там, шапка на затылке, мокрые волосы ко лбу прилипли, а полы для аккурату за поясом. Так и вошел с вилами в руках: навоз кидал. А навоз-то еще от Чубарки, который пал.

Отец и мать оба разом приступили к бабке.

- Што ты?.. мамонька, чево ты?.. о чем? - пытаются ее.

Скрепились бабка. Раскачиваясь взад-вперед, заклохтала о чем-то частобаем, но съехала нараспев - и застонала, захрипела, трясась... Мать, шатнувшись, плеснула руками и залилась горячими. Отец повел глазами по потолку и тихо-тихо головой закачал, снимая шапку... Он уперся на вилы, свесил над столом голову и с горестным удивлением боком глядит на расписную солоницу, на которой желтая пичуга клюет синие винограды.

А дверь в избу хлоп да хлоп.

Входят люди, мягким катом пуская по полу морозный пар. Внизу уже толпится Никанорко, который с придурью, сосед Тереха, кузнец Прокл, бабы, ребята...

Гараська Пыжик уже кряхтит там, борется, кого-то подмял под себя. Моську?.. нет, не Моську. Сеньку Зуйка?.. да нет, пожалуй, Моську... С полатей не разглядишь, а слезать не хочется, - в избу напустили холодищу.

Пока бабка там стонала да поклохтывала, а люди вздыхали да ахали, Гараська Пыжик тихим манером подобрался на полати и ледяными рукавицами сгреб Силашку за голые ноги. Тут они попыхтели немного, а потом, встав друг против друга на карачки, сделались собаками. Глаза выкатили, ощерились, зарычали, залаяли и с страшной яростью сцепились грызться... Отец сердито застучал в пол вилами. Силашка прижухнул, отдыхаясь, а Гараська - катышом на пол.

Лег опять Силашка плашмя на тулуп и немножко поиграл на губах, поддавая кулаком в щеку, потом закрыл ладонями глаза и быстро-быстро заработал в зад пятками, - это он ныром, без ручек, переплывал речку Крутицу. Вынырнул, отфыркнулся и глядит: народу уж полна изба! Цакают языками, головами покачивают, слушая хлипающую бабку. Та уж и костылек с петушьей головкой уронила на пол. Уперлась крючьями рук о лавку и рассказывает всем про деда Никиту и про мельницу.

Силашка тоже стал слушать, выдирая пучечками шерсть из тулупа.

Оказалось, деда Никиту смололо вчистую на той самой мельнице, где он жил и делал муку. По бабкину выходит, что - до-смерти, а тятка сомневается, говорит: надо съездить, поглядеть надо. Он уж такой: всегда ладит поперек сказать. Никиту он тятенькой называет, а Никита настоящий дед. Даже пахло от него всегда дедом.

Этот Никита подпоясывался ниже пупа, а у пояса медный гребешок носил. Борода у него до глаз, завитущатая. Когда, бывало, принимался резать из дерева петушков и человечков, то шевелил и бородой и бровями, а деревяшку упирал в крутую грудь и шибко сопел. Брови у него свислые, как усы, и